

УДК 243

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЗА МАССОВЫЕ
НЕПОВИНОЕНИЯ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ**

Упоров И.В.,

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания

г. Краснодар, Россия

Аннотация: Пенитенциарная система советского государства с самого начала развивалась противоречиво. Исходная идея-план заменить тюрьмы воспитательными учреждениями, закрепленная в 1919 г. в Программы РКП(б), оказалась неисполнимой. В дальнейшем в противостоянии с политическими противниками советская власть стала стремительно укреплять административно-командную систему управления обществом, соответственно ужесточалась карательная политика, а в 1931 г. появился печально известный ГУЛАГ. В местах лишения свободы условия содержания заключенных зачастую не соответствовали установленным требованиям, что вызывало напряженность в ИТЛ, которая нередко принимала формы массовых неповиновений заключенных в местах лишения свободы. Такие действия заключенных являлись нарушением действующего законодательства и влекли за собой юридическую ответственность. В статье представлен анализ основных законов, по нормам которых заключенные осуждались за массовые неповиновения (это прежде всего действовавший тогда УК РСФСР 1926 г. и другие документы, связанные с применением репрессивных мер), партийных решений в данной сфере, научных трудов, где затрагиваются исследуемые вопросы. Отмечается, что массовые неповиновения квалифицировались чаще всего как преступления против государства и против порядка управления, за что следовали довольно жесткие наказания; кроме того, это явление имело место в одном виде исправительно-трудовых учреждений – в

исправительно-трудовых лагерях, что объясняется прежде всего тем, что в ИТЛ направлялись в основном «контрреволюционеры» и другие противники советской власти.

Ключевые слова: исправительно-трудовые лагеря, массовые беспорядки, заключенные, уголовный кодекс, наказание, НКВД, Особое совещание.

***PRISONERS' RESPONSIBILITY FOR MASS DISOBEDIENCE
IN THE PRE-WAR PERIOD: A HISTORICAL
AND LEGAL CONTEXT***

Uporov I.V.,

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Russian Academy of Natural Sciences

Krasnodar, Russia

Abstract: The Soviet penitentiary system developed contradictorily from the very beginning. The original plan to replace prisons with correctional institutions, enshrined in the 1919 Program of the RCP(b), proved unfeasible. Subsequently, in a confrontation with political opponents, the Soviet government began to rapidly strengthen the administrative-command system of governing society, correspondingly tightening punitive policies, and in 1931, the infamous GULAG was established. In places of detention, conditions for prisoners often did not meet established requirements, which caused tension in the labor camps, which often took the form of mass disobedience by prisoners in places of detention. Such actions by prisoners violated current legislation and entailed legal liability. This article presents an analysis of the main laws under which prisoners were convicted of mass disobedience (primarily the then-current Criminal Code of the RSFSR of 1926 and other documents related to the use of repressive measures), party decisions in this area, and scholarly works addressing the issues under study. It is noted that mass disobedience was most often classified as crimes against the state and against the order of government, for which fairly

harsh punishments followed; Moreover, this phenomenon occurred in one type of correctional labor institution—correctional labor camps. This is primarily explained by the fact that those sent to the camps were primarily "counterrevolutionaries" and other opponents of Soviet power.

Keywords: corrective labor camps, mass riots, prisoners, criminal code, punishment, NKVD, Special Conference.

После октябрьской революции 1917 г. общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в России резко обострилась и оставалась такой довольно долго, что связывается с последующими после революции Гражданской войной, периодом НЭП, индустриализацией, коллективизацией. Большевистская власть пыталась стабилизировать положение, разумеется, в соответствии со своей коммунистической политико-идеологической платформой, применяя при этом различные меры, в числе которых всё активнее усиливались репрессивные меры, и прежде всего против противников советской власти. В местах лишения свободы со второй половины 1920-х гг. в рамках укрепления административно-командной системы управления обществом также стал доминировать классовый признак, когда «контрреволюционеры» получали более суровые уголовные наказания, исполняемые в ИТЛ, расположенных, как правило, в отдаленных местах. Соответственно среди заключенных в ИТЛ и других исправительно-трудовых учреждениях, накапливалось недовольство как производственно-бытовыми условиями, сильно расходившиеся с установленными нормативными требованиями, так и приговором, что периодически выливалось в массовые неповиновения заключенных [1, с. 34].

Такие действия – массовые неповиновения – безусловно являлись нарушением установленного режима в местах лишения свободы, за что заключенные должны были нести юридическую ответственность. При этом нужно иметь в виду, что массовые неповиновения, как правило, охватывали несколько составов преступлений. При этом в большинстве случаев основным составом все-

гда выступало одно из «контрреволюционных» (государственных) преступлений, и в этой связи массовые неповиновения заключенных ассоциировались прежде всего с преступлениями против государства как важнейший объект уголовно-правовой охраны [2, с. 64-66]. Но одновременно массовые неповиновения заключенных в ИТЛ зачастую включали в себя побег из ИТЛ, насильственные действия в отношении представителей администрации ИТЛ, уничтожение и хищение имущества и др. Например, заключённых, задержанных при попытке к бегству, предписывалось приговаривать к смертной казни как саботажников и дезорганизаторов лагерной жизни [3, с. 188]. Но все же в большинстве случаев заключенные, обвиненные в массовых неповиновениях, приговаривались к лишению свободы, то есть для них срок наказания в ИТЛ увеличивался, и, как правило, надолго.

В действующем тогда УК РСФСР 1926 г. преступления против государства именовались как «контрреволюционные преступления» и закреплялись в главе 1 Особенной части УК РСФСР. Перечень этих преступлений был достаточно широкий. При этом согласно ст. 58-1 УК РСФСР контрреволюционным признавалось «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазия, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее заведомо для совершившего его содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции» [4].

Как видно, это определение позволяет толковать его достаточно широко, что, собственно, и имело место в правоприменительной практике, в том числе

применительно к лицам, привлекаемым за участие в массовых неповиновениях в ИТЛ. За совершение государственных преступлений предусматривались следующие меры наказания (меры социальной защиты): расстрел (как правило, с конфискацией имущества); лишение свободы; принудительные работы (при недоказанности контрреволюционности действий, указанных в диспозициях соответствующих статей).

Помимо «контрреволюционных» преступлений, массовые неповиновения включали в себя, как правило, ряд составов преступлений, содержащихся во второй главе УК РСФСР («Преступления против порядка управления»; позже, в 1927 г., эта глава разделилась на две главы: «Особо опасными для Союза С.С.Р. преступлениями против порядка управления» и «Иные преступления против порядка управления»). В ст. 59.1 УК РСФСР указывалось, что «преступлением против порядка управления признается всякое действие, которое, не будучи направлено непосредственно к свержению Советской власти и Рабоче - Крестьянского Правительства, тем не менее, приводит к нарушению правильной деятельности органов управления или народного хозяйства и сопряжено с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти» [4]. По своему характеру часть этих преступлений не отличалась от преступлений против государства, и прежде всего это касается деяний, за которые предусматривалась смертная казнь.

Так, диспозиция ст. 59.2 УК РСФСР имела следующий вид: «Участие в массовых беспорядках всякого рода, как-то: погромах, разрушении путей и средств сообщения, освобождении арестованных, поджогах и т.п., если при этом участники беспорядка были вооружены...». Согласно ст. 59.3 УК РСФСР участие в беспорядках, не отягченных преступными действиями, указанными в статье 59.2, но сопряженных с явным неповиновением законным требованиям властей или противодействием исполнению последними возложенных на них законом обязанностей или понуждением их к исполнению явно незаконных

требований, хотя бы неповиновение выразилось только в отказе прекратить угрожающее общественной безопасности скопление, влекло за собой менее тяжкие наказания (в отношении подстрекателей, руководителей и организаторов - лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже двух лет; в отношении прочих участников - лишение свободы или принудительные работы на срок до шести месяцев).

Как отмечалось, нередкими были побеги из ИТЛ, что квалифицировалось по ст. 82 УК РСФСР как преступление против порядка управления («Побег арестованного из-под стражи или места заключения»), и за это предусматривалось лишение свободы на срок до одного года. А вот участие в бандах каралось смертной казнью (ст. 59.4 УК РФ). Кроме того, из числа составов преступлений против порядка управления при рассмотрении уголовно-правовой квалификации дел о массовых неповиновениях заключенных в исправительно-трудовых лагерях применялись следующие: неисполнение законного распоряжения или требования находящегося на посту военного караула или иных властей, охраняющих общественный порядок и безопасность, что предусматривало лишение свободы или принудительные работы на срок до трех месяцев или штраф до трехсот рублей (ст.75 УК РСФСР); публичное оскорбление представителей власти при исполнении таковыми служебных обязанностей, что предусматривало лишение свободы или принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф до пятисот рублей (ст. 76 УК РСФСР); умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным (кооперативным, профессиональным и т.п.) организациям, в том числе электропроводов, средств связи и т.п., что предусматривало лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года (ст. 79 УК РСФСР).

Следствие по делам о массовых неповиновениях заключенных в исправительно-трудовых лагерях вели следователи органов государственной безопасности. После утверждения обвинительного заключения прокурором дело пере-

давалось в суд – в соответствии с действовавшим тогда УПК РСФСР. Однако значительная часть такого рода уголовных дел рассматривалась коллегиями ОГПУ, а позже ОСО – Особым совещанием НКВД, что представляло собой внесудебный порядок, который, однако, был закреплен законодательно.

Массовые неповиновения в ИТЛ подавлялись правоохранительными органами, и, как правило, очень жестко. На основных стадиях (предупреждения и пресечения) реализации государственной функции подавления массовых неповиновений главенствующую роль, бесспорно, имели органы государственной безопасности и органы внутренних дел, в чьем ведении находились исправительно-трудовые лагеря (ОГПУ, НКВД, НКГБ). Непосредственную работу в ИТЛ в борьбе с массовыми неповиновениями заключенных выполняли оперативные подразделения как центрального аппарата ГУЛАГа, и так и отдельных ИТЛ. В случае особо массовых и вооруженных неповиновений к их пресечению подключались подразделения конвойных войск, а в ряде случаев и Вооруженных сил СССР.

При этом структура ведущего правоохранительного органа – НКВД СССР – изменялась сообразно обстановке в системе исправительно-трудовых учреждений. Так, в 1938 г. была утверждена структура НКВД СССР, где нашло отражение положение в этом ведомстве и структурных подразделениях, которые непосредственно управляли местами лишения свободы [5] и которые сложились предшествующей управленческой практикой и оставались в своей основе вплоть до ликвидации ГУЛАГа на рубеже 1960 г. В частности, в качестве самостоятельных главных управлений выделялись ГУЛАГ, ГУШОР (Главное управление шоссейных дорог), Главное тюремное управление, однако за ГУЛАГом оставалось методическое обеспечение деятельности исправительно-трудовых лагерей. Такой подход (выделение главных управлений лагерями, привлекаемых в отдельных отраслях) также характерен для рассматриваемого периода - так, в 1938 г. было создано ГУЛГМП – Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий. Помимо этого, штат НКВД включал

подразделения, которые участвовали в подавлении массовых неповиновениях заключенных: Главное управление государственной безопасностью, Главное управление пограничных и внутренних войск, Главное управление рабоче-крестьянской милиции, 3-й специальный отдел – наружное наблюдение, розыск, аресты, 3-1 Контрразведывательный отдел.

Заслуживает внимания решение о создании в структуре ГУЛАГа политических органов, что было сделано приказом НКВД в 1937 г. [6] в «целях усиления руководства парторганизациями лагерей НКВД и управлений строительства и улучшения политической работы среди начальствующего и рядового состава лагерей, военизированной охраны и вольнонаемных работников». Можно предположить, что основанием для такого решения стало ухудшающее морально-психологическое состояние кадров ИТЛ, мимо которых массовые репрессии также не прошли стороной.

Как отмечалось выше, массовые неповиновения заключенных в ИТЛ включали в себя прежде всего преступления против государства. Дела по этим преступлениям могли рассматривать губернские суды, Верховный Суд РСФСР, а также Верховный суд СССР (в особых случаях). Помимо этого при ОГПУ-НКВД функционировали коллегии (тройки, особые совещания), которые выполняли фактически судебные, а точнее псевдосудебные функции, и именно и только по уголовно-политическим делам. Такого рода судебные коллегии выпадали из общего уголовно-процессуального законодательства, а полномочия судебных коллегий некоторым образом регулировались отдельными законами и ведомственными правовыми актами [7, с. 109]. В результате эти коллегии обрели особый процессуальный статус.

В этой связи нужно заметить, что значительную часть заключенных в ИТЛ составляли репрессированные кулацкие «элементы», преступления которых тогда рассматривали как раз «тройки» ОГПУ (НКВД). Так, в Постановлении ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. [8] ОГПУ предписывалось

принять «репрессивные меры» в отношении кулаков «в течение ближайших четырех месяцев (февраль - май), исходя из приблизительного расчета - направить в концлагеря 60000 и подвергнуть выселению в отдаленные районы - 150000 кулаков; озаботиться принятием всех мер к тому, чтобы к 15 апреля эти мероприятия были осуществлены в отношении, во всяком случае, не менее чем половины указанного количества. Проведение этих мероприятий должно быть постановлено в зависимость от темпа коллективизации отдельных областей СССР и согласовано с краевыми комитетами ВКП(б)» [8]. И далее в разделе «Особые постановления» указывалось: «Предоставить ОГПУ право на время проведения этой кампании переправлять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ в областях. В этих случаях рассмотрение дел производится совместно с представителями крайкомов ВКП(б) и прокуратуры» [8]. Нужно признать, что в условиях активного укрепления административно-командной системы руководящие указания политического руководства выполнялись довольно быстро.

Более того именно эти внесудебные органы, начиная с рубежа 1930 г. своей «бурной» деятельностью по осуждению советских граждан способствовали ускорению процесса создания системы ИТЛ. Указанные полномочия активно использовались и в процессе борьбы с массовыми неповиновениями в ИТЛ. Характерным в этом отношении является «приговор» (применительно к тройкам и ОСО мы используем этот термин в кавычках, поскольку указанные органы не являлись судебными; вместе с тем в цитируемых документах, где встречается это слово, оно дается без кавычек), вынесенный Коллегией ОГПУ по делу о бандитизме и разложении аппарата в Соловецком отделении Северных лагерей ОГПУ [9]. Здесь, в частности, указывалось, что «группа заключенных уголовников при попустительстве и способствовании лагерного аппарата, в течение продолжительного срока (с осени 1931 г. до второй половины 1932 г.) производя систематические кражи, избиения заключенных и надзоровсостава, грабежи, пьянство, картежную игру, членовредительство, поножовщину и т.д. —

выросла в явно бандитскую группу, совершенно терроризировав остальное лагерное население» [9]. Далее описываются более конкретные деяния виновных, перечень которых поражает тем, что это имело место в закрытом учреждении, где отбывали наказания осужденные за взятки, расхищения вещественных доказательств, изнасилования заключенных женщин, хищения имущества, «связь со шпионским элементом», причинения вреда здоровью и др.

Отчасти, как нам представляется, появление бандитизма внутри ИТЛ объяснялось тем, что лагерный аппарат в то время в немалой части состоял из самих заключенных (такой подход будет окончательно отменен лишь в 1950-е гг.). Не удивительно, что «приговор» был очень суровым. Из числа преступников-заключенных были расстреляны 37 человек, в том числе 6 человек состоявших в лагерном аппарате. Административным работникам (5 человек) было определено лишение свободы на срок от 5 до 10 лет.

Государство на этом не останавливалось, и далее совершенствовало систему внесудебных репрессий, поскольку, очевидно, действующий УПК РСФСР с предусмотренными этим законом процедурами не позволял быстро «решать вопросы» с «контрреволюционерами». Важные решения в этой сфере были приняты в 1934 г. - так, согласно постановлению ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. было упразднено ОГПУ с его внесудебными органами и одновременно образовано НКВД СССР [10]. При этом внесудебные коллегии бывшего ОГПУ не ликвидировались как институт, а лишь реорганизовывались – при НКВД предписывалось организовать Особое совещание, которому на основе Положения о нем, предоставлялось право применять в административном порядке высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылку за пределы Союза ССР [11] (ОСО при НКВД просуществовало до осени 1953 г.). В частности, этому органу предоставлялось право применять к лицам, «признаваемым общественно-опасными», следующие наказания: ссылку на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается НКВД; высылку на срок до 5 лет под гласный надзор с запреще-

нием проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах СССР; заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет; высылку за пределы СССР иностранных подданных, являющихся общественно-опасными. Через три года Политбюро ЦК ВКП (б) сочтет, что указанных полномочий недостаточно, и решением от 8 апреля 1937 г. добавило следующее: «Предоставлять Наркомвнуделу право в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, заключать в тюрьму на срок от 5 до 8 лет» [12]. Если высылаемые решением ОСО отказывались выехать из данной местности, то они арестовывались и отправлялись этапом в предназначенное местожительство (подобная практика имела место ранее в истории российской уголовно-исполнительной практики [13]). Если органы НКВД располагали материалами о проводимой ссыльными и высланными антисоветской работе, то против них возбуждалось уголовное дело. Таким образом, ссыльные и высланные решением ОСО могли в любое время оказаться в подразделениях ГУЛАГа. И поскольку ОСО, будучи внесудебным органом, не могло обеспечить всех процессуальных процедур, то их решения вызывали чувство несправедливости у осужденных, а это состояние, в свою очередь, способствовало вовлечению этих заключенных в массовые неповиновения.

Сформированная в довоенный период законодательная база по привлечению к юридической ответственности заключенных за массовые неповиновения в исправительно-трудовых лагерях, а равно сложившейся практика правоохранительных органов по подавлению массовых беспорядков, были использованы и в дальнейшем, но при этом с более жесткими методами по отношению к заключенным-участникам массовых неповиновений [14]. Это обуславливалось прежде всего тем, что в ИТЛ в большом количестве стали поступать осужденные за пособничество фашистам, дезертирство, бандитизм на освобождаемых от оккупации советских территориях, шпионаж, диверсии; эти заключенные в большинстве своем ненавидели советскую власть, и именно они обычно и ор-

ганизовывали протесты заключенных. И только во второй половине 1950-х гг. с ликвидацией ИТЛ и ГУЛАГа в целом, и взятым курсом на укрепление законности в период хрущевской «оттепели» это явление ушло в прошлое.

Библиографический список

1. Иванова Г.М. ГУЛАГ в советской государственной системе (конец 1920-х - середина 1950-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.
2. Упоров И., Хун А. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различие со сходными понятиями // Уголовное право. 2003. № 4.
3. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: сборник документов в 7 томах. Т. 4 / Отв. ред. и сост. В.А. Козлов. М.: Росспэн, 2004.
4. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 257-288.
5. Приказ НКВД СССР «Об изменении организационной структуры Наркомвнудела СССР» от 29. 09. 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 500. Л. 286-289.
6. Приказ НКВД СССР «Об организации политотдела в составе ГУЛАГа НКВД и политотделов в составе Управления лагерей» от 22. 10. 1937 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 488. Л. 137.
7. Губжокова Л.А. Уголовно-политические процессы в период укрепления административно-командной системы советского государства (1929-1934гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
8. Постановление ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30. 01. 1930 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 -1986). М.,1984. Т. 5. С. 73-75.
9. Приказ ГУЛАГа «О приговоре Коллегии ОГПУ по делу о бандитизме и

разложении аппарата в Соловецком отделении Северных лагерей ОГПУ» от 17.03. 1933 г. // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 3. Л. 51-52.

10. Постановление ЦИК СССР «Об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел СССР» от 10.07.1934 г. // Известия. 1934. 11 июля.

11. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об Особом совещании при НКВД СССР» // СУ СССР. 1935. N 11. Ст.84.

12. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «Об утверждении Положения об особом совещании при НКВД СССР» от 08.04.1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.3. Д. 986.

13. Упоров И.В. Первое законодательное регулирование тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. 1998. № 9. С. 86-90.

14. Уголовно-исполнительное право России. Общая и особенная части / Орлов В.Н., Эминов В.Е., Антонян Е.А., Борсученко С.А., Бриллиантов А.В., Гришко А.Я., Журавлев М.П., Кашуба Ю.А., Лядов Э.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орлова Ю.Р., Селиверстов В.И., Скиба А.П., Смирнов С.Н., Старков О.В., Трунцевский Ю., Уваров И.А., Упоров И.В., Хуторская Н.Б. и др.: Учебник для бакалавров / Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. (1-е изд.). Москва, 2012.